

Щедрый талант

Профессиональная привычка — угадывать род занятий людей, с которыми впервые сталкиваешься. Так и на этот раз. Узнать, кто были двое соседей по купе в поезде Киев—Харьков, оказалось нетрудным: юрист и студент-геолог. Оба охотно говорили о своих делах, сыпали специальными терминами. А вот кто был третий — высокий мужчина с бритой головой, в очках, с удивительно мягкой, приятной улыбкой — нелегко было определить. О чем бы ни шла речь — о новых книгах, успехах медицины, о технике, — он охотно включался в беседу, проявляя при этом эрудицию, быстрый ум. Он обладал ценным умением слушать собеседника, — чуть склонив голову, внимательно глядел сощуренными близорукими глазами и, словно угадывая ход ваших мыслей, время от времени вставлял меткую реплику. На добродушном лице его то появлялась легкая усмешка, то отражалась легкая грусть. О себе сосед, представившийся Евгением Васильевичем, говорил мало. Так и не удалось тогда узнать, кто же этот новый знакомый, хотя твердая уверенность в том, что мы где-то встречались, не покидала.

...Через несколько дней в театре имени Шевченко шла премьера комедии «Улица трех соловьев, 17». В зале то и дело раздавался смех. Чаще всего тогда, когда на сцену выходил высокий грузный мужчина с журналом и карандашом в руках. Вокруг него ссорились и мирились, а он... решал кроссворды. Весь какой-то нелепый, неуклюжий, с затылком, сростившимся со спиной. Драгише — так звали «героя» — оживлялся, лишь найдя нужное для кроссворда слово. Ничего особен-

ного артист не делал, чтобы смешить зрителей, не прибегал ни к каким трюкам, и все-таки его герой был на редкость смешон, смешон своей ничемностью, непригодностью к жизни.

Да, но откуда знакомые нотки в гнусавом, нудном голосе? На помощь приходит программа: народный артист УССР Е. В. Бондаренко. Так это и есть тот самый Евгений Васильевич, случайный попутчик! Вот откуда и удивительная наблюдательность, и живая восприимчивость. Чтобы создать такой колоритный образ, много деталей и черточек характера нужно подсмотреть в жизни, осмыслить умом художника, нужен большой, щедрый талант, тонкий юмор, высокая актерская техника.

О Евгении Васильевиче покойный Довженко, с чьим именем много связано в творческой биографии артиста, в свое время говорил: «Бондаренко один из тех счастливых, в ком сочетается природное артистическое дарование с большим умом. Свои эмоции он всегда подчиняет разуму».

Выдающийся советский художник очень верно схватил некоторые особенности творческой манеры Евгения Васильевича. Актер, по преимуществу комический, он никогда заведомо не ставит себе задачу во что бы то ни стало смешить зрителя, вызывать в зале веселые какими-нибудь выходками, трюками. Он ищет комическое в самом характере, в образе мыслей, жизненной позиции. Может быть поэтому комические герои Бондаренко, мелкие по существу, все же всегда самобытны, своеобразны, если так можно выразиться, значительны даже в своем ничтожестве.

Легко и незаметно выявляет артист свое отношение к образу. «Взгляните на картины Кумакина, где у человека вместо глаз фонари и колеса, а вместо рук — рычаги! Да разве это живописец! Он попросту бездарность, вот и выдумал для себя какой-то футуризм!» — ненавязчиво подсказывает нам Бондаренко в «Третьей, патетической», будто время от времени отходя на шаг от своего Кумакина и поглядывая на него с иронической, умной улыбкой.

А за этой улыбкой — всегда мысль, всегда большая, весомая идея, неотрывная от главной идеи всего спектакля, его полифонического звучания.

Романтически возвышенный «Ярослав Мудрый», и в нем — небольшая роль непутевого монаха-пьяницы Свечкогаса. Как легко было увлечься внешней характерностью, благодарным комизмом ситуации. Вот выходит на сцену нетвердой походкой монах с лукавыми глазами и извиняющимися жестами. Он еще не сказал ни слова, но вы уже будто слышите запах сивухи. И последняя встреча с ним — он переписывает книги, составляет летопись. Странно, это тот же человек, и будто не тот. За каждой репликой — глубокий подтекст, все поведение его пронизано каким-то иным смыслом. Сильный, незаурядный характер, большие, важные мысли! Недаром за исполнение этой роли Евгений Васильевич был удостоен Сталинской премии.

Но тому, кто видел Бондаренко до этого в роли Шпана («Шельменко-денщик»), или Нагиевского («Мартын Боруля»), или в другой комической роли, трудно было

сразу поверить, что актер может с большим настоящим успехом создать характер героический. Даже несколько схематичный образ Гната Гоголя («Сава Чалый») он сумел наполнить живым, конкретным содержанием. В этом традиционном украинском народном герое сочетаются воля и мягкость, трезвый ум и непосредственность. Сивозь оптимизм порой прорываются драматические нотки.

Шутя Евгений Васильевич говорит, что первая его роль на сцене была скорей драматической, чем комической. Это было около полувек назад. В Харьковском народном Доме шел спектакль «Суета» Карпенко-Карого. В разгар действия из-за кулис показался мальчик лет шести-семи — самый младший герой пьесы Матюша. Остановившись у рампы, он посмотрел в пугающую темноту зала и расплакался. Он так горько всхлипывал, что какая-то сердобольная старушка в первом ряду сказала громким шопотом:

— Ишь-ты, малое, а как изображает.

Но в том и заключался весь ужас, что слез-то как раз и не нужно было изображать. Если бы не ободряющий голос отца, игравшего в этой же пьесе Барыльченко, маленький артист (это был Жена Бондаренко) вряд ли успокоился бы так быстро.

В тот вечер Евгений Васильевич получил первый в своей жизни актерский зара-

боток. Но ни тогда, ни много позже, когда он уже играл в ТРАМе (театре рабочей молодежи), он не думал, что станет профессиональным артистом. Ничего не было удивительного в том, что сын потомственного печатника свободные от работы часы отдает сцене. Отец ведь тоже всю жизнь был актером-любителем. Но когда однажды сын сказал дома, что ему предлагают поступать в студию при театре «Березиль», надолго воцарилось недоуменное молчание. Потом мать растерянно спросила: «А как же мастерская?» Ей, привыкшей к тому, что члены семьи по утрам спешат на завод, фабрику, в мастерскую, казалось невероятным, что кто-то будет так же ходить на работу в театр.

То были счастливые годы учебы, когда будущий артист овладевал не только мастерством перевоплощения, познавал притягательную силу искусства, но и учился беззаветно любить избранное дело. Помнит он советы покойного Курбаса, с благодарностью говорит о своих учителях — Крушельницком и Марьяненко. Много дала ему совместная работа со старшими товарищами по сцене — Антоновичем, Сердюком, Чистяковой. А однажды, когда стало известно, что студия закрывается на несколько месяцев из-за отсутствия средств, к учащимся пришел профессор Белецкий и сказал:

— Друзья! Начнем нашу

лекцию. Расписание занятий по литературе остается прежним.

Быстро пролетело в упорной учебе время. И вот первая самостоятельная работа на сцене. Но не одну роль сыграл Евгений Васильевич, не один год промелькнул, прежде чем он по-настоящему почувствовал себя актером и поверил в силу своего дарования.

...В один из вечеров довоенных гастролей в Сталино шла «Гроза» Островского. Перед началом спектакля ведущий, как это было принято тогда, объявлял со сцены фамилии исполнителей. Все шло благополучно, пока он не сказал:

— Дикой — народный артист Советского Союза Марьяненко... Простите, артист Бондаренко.

В зале раздался сдержанный гул. Публика была разочарована, что играть будет не основной исполнитель, а дублер.

Но вот окончился спектакль, и зал разразился громом аплодисментов.

— Чистякова! Антонович!.. народный артист Бондаренко! — неслось из партера, лож, галерки.

Много раз подряд выходил на вызов Евгений Васильевич и счастливыми глазами искал тех, кто называл его фамилию, величал его народным артистом. Высокое звание народного артиста республики он получил значительно позже, после войны, но в ту ночь в шах-

терском городе он впервые поверил, что идет верной дорогой в искусстве. И все-таки всякий раз, когда Бондаренко выходит на сцену или принимается за работу над новой ролью, его охватывает неизъяснимое волнение, то волнение, без которого немислимо творчество.

Так было и на этот раз, на студии «Мосфильм». По коридору шел высокий молодой человек в спецовке, сапогах, с мягкими усами. Серые глаза смотрели из-под нависших бровей со спокойной уверенностью. И только тогда, объявляя со сцены фамилии исполнителей. Все шло благополучно, пока он не сказал:

— Дикой — народный артист Советского Союза Марьяненко... Простите, артист Бондаренко.

В зале раздался сдержанный гул. Публика была разочарована, что играть будет не основной исполнитель, а дублер.

Но вот окончился спектакль, и зал разразился громом аплодисментов. Чистякова! Антонович!.. народный артист Бондаренко! — неслось из партера, лож, галерки. Много раз подряд выходил на вызов Евгений Васильевич и счастливыми глазами искал тех, кто называл его фамилию, величал его народным артистом. Высокое звание народного артиста республики он получил значительно позже, после войны, но в ту ночь в шах-

терском городе он впервые поверил, что идет верной дорогой в искусстве. И все-таки всякий раз, когда Бондаренко выходит на сцену или принимается за работу над новой ролью, его охватывает неизъяснимое волнение, то волнение, без которого немислимо творчество.

Так было и на этот раз, на студии «Мосфильм». По коридору шел высокий молодой человек в спецовке, сапогах, с мягкими усами. Серые глаза смотрели из-под нависших бровей со спокойной уверенностью. И только тогда, объявляя со сцены фамилии исполнителей. Все шло благополучно, пока он не сказал:

— Дикой — народный артист Советского Союза Марьяненко... Простите, артист Бондаренко.

В зале раздался сдержанный гул. Публика была разочарована, что играть будет не основной исполнитель, а дублер.

Но вот окончился спектакль, и зал разразился громом аплодисментов. Чистякова! Антонович!.. народный артист Бондаренко! — неслось из партера, лож, галерки. Много раз подряд выходил на вызов Евгений Васильевич и счастливыми глазами искал тех, кто называл его фамилию, величал его народным артистом. Высокое звание народного артиста республики он получил значительно позже, после войны, но в ту ночь в шах-

терском городе он впервые поверил, что идет верной дорогой в искусстве. И все-таки всякий раз, когда Бондаренко выходит на сцену или принимается за работу над новой ролью, его охватывает неизъяснимое волнение, то волнение, без которого немислимо творчество.

Так было и на этот раз, на студии «Мосфильм». По коридору шел высокий молодой человек в спецовке, сапогах, с мягкими усами. Серые глаза смотрели из-под нависших бровей со спокойной уверенностью. И только тогда, объявляя со сцены фамилии исполнителей. Все шло благополучно, пока он не сказал:

— Дикой — народный артист Советского Союза Марьяненко... Простите, артист Бондаренко.

В зале раздался сдержанный гул. Публика была разочарована, что играть будет не основной исполнитель, а дублер.

Но вот окончился спектакль, и зал разразился громом аплодисментов. Чистякова! Антонович!.. народный артист Бондаренко! — неслось из партера, лож, галерки.

Э. БАРАБАШ.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

25 апреля 1959 г. 3 стр.